

Встреча на спектакле

На второй день после приезда Алексея Максимовича с острова Капри в 1928 г. он посетил наш спектакль «Бронепоезд». Я, исполнявший роль студента Миши в «Бронепоезде», нашел такое место на сцене, откуда удобно было наблюдать за Алексеем Максимовичем.

Горький впервые посетил Художественный театр после разрыва с ним, происшедшего в 1912 г. в связи с намечавшейся постановкой «Ставрогина». И мы, молодые актеры, пришедшие в МХАТ через 10 лет после этого события, внимательно следили за выражением лица Алексея Максимовича. Лицо его выражало большое волнение. Он непрерывно прикладывал платок к глазам.

— Слушай, парень, Ле-нин! — говорил Окорок американцу, — Ле-нин! Алексей Максимович, сдерживая слезы, глядел на эту сцену, замечательно разыгранную Баталовым и Степуном. Я видел, как задрожали уголки его губ, и он заплакал.

Это были слезы радости великого русского писателя. И не только замечательная сцена объяснения Васки Окорока с американцем вызвала эти слезы. Горький радовался тому, что наш театр снова вернулся на путь социальной, народной правды, которому изменил своей постановкой «Николая Ставрогина».

После спектакля Алексей Максимович пожелал пройтись по театру. Он энергично шагал по сцене, по закулисным помещениям. Вместе с ним ходили по театру актеры во главе с нашими «стариками», среди которых выделялась высокая, изящная фигура Константина Сергеевича Станиславского. Официально это называлось, что МХАТ принимает у себя в гостях вернувшегося из Италии в Москву Горького. Фактически же все получалось как раз наоборот: как зоркий и требовательный художник Алексей Максимович производил своеобразный смотр театру.

Помню шагавшего чуть-чуть позади Алексея Максимовича, еще не успевшего разгримироваться Вершинина — Качалова; поминутно останавливавшегося рядом с Горьким Станиславского. Константин Сергеевич обращался к Алексею Максимовичу на «ты». Не помню точно, говорил ли «ты» Станиславскому также и Горький, бывший моложе его на несколько лет. Вдали Горький увидел нашего героя труда, заведующего монтировочной частью Ивана Ивановича Титова. Их встреча была очень теплой, сердечной.

Дело было в начале лета. Дни были долгие. И после окончания спектакля улицы еще были окутаны голубыми сумерками. У выхода из театра собралась огромная толпа,

пожелавшая приветствовать любимого, родного писателя. Один мальчуган взобрался на ворота МХАТ. Горький добродушно нахмурил лицо, погрозил мальчику пальцем и буркнул:

— Куда ты залез, пострел? Что я, архиерей, что ли?

Мальчик смутился, покраснел, но со своего поста не слез, а продолжал восторженными глазами следить за высокой, худой фигурой удалявшегося Горького.

Вторая моя встреча с Горьким была во время авторской читки «Достигаева» в МХАТ. Когда Алексей Максимович закончил чтение пьесы, я спросил его:

— Откуда фамилия Достигаев? Случайная она или взята писателем с намерением?

— Нет, не случайная это фамилия, — ответил мне Горький. — Есть такие люди, которые всю свою жизнь торопятся поспеть за кем-нибудь, кому в жизни везет больше, чем им. Они проявляют огромную изворотливость и суеливую напористость в стремлении достичь свои маленькие, пошленькие цели. Так торопится по булычевским следам и Достигаев.

Осенью 1932 года, в связи с 60-летним юбилеем великого писателя, нашему театру было присвоено имя Горького. У многих сочетание МХАТ и Горький вызывало известное недоумение. Считалось, что мы являемся «театром Чехова» и что однажды появившаяся на занавесе нашей сцены чайка определяет наши творческие судьбы на все будущие времена. Но основная группа работников нашего театра, к которой я причисляю и наших «стариков», и актеров среднего поколения, и артистическую молодежь, — все были единодушны в одном. Мы действительно многим обязаны Чехову. Художественный театр воплотил чудесные литературные создания Чехова на русской сцене; Чехов определил и создал наш репертуар в годы творческого становления Художественного театра. Но боевой, реалистический дух в наш театр внесли замечательные произведения Горького. В «На дне», «Мещанах», «Детях солнца» впервые прозвучали ноты социального протеста с подмостков нашего театра. Противопоставлять имена Чехова и Горького нелепо. Эти два великих русских писателя относились друг к другу с глубочайшим уважением и с чувством нежнейшей сердечной дружбы. В творчестве Чехова нам была близка его нежнейшая, тончайшая лирика, а в пьесах Горького — его протестующий, призывный жизненный реализм.

Заслуженный артист республики
И. КУДРЯВЦЕВ